

ее к конкретным социально-политическим и социокультурным условиям, специфическим для каждой христианской страны историческим типам коллективной субъективизации религиозных символов, интерпретации религиозных текстов и религиозного опыта, общественных форм религиозной коммуникации, насыщенности социально-культурного пространства сакральными компонентами, средствам трансляции религиозных верований и опыта последующим поколениям.

Источники и литература

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агенство «ФАИР», 1998; Горбаченко Т.Г. Вплив християнства на становлення писемної культури Русі-України: релігієзнавчо-філософський аспект: Монографія – К.: Видавничий центр „Академія”, 2001.; Богачевская И.В. Язык религии в контексте национального самосознания. – К., 1999.
2. Богачевська І.В. Християнська нарративна традиція: методологія філософсько-релігієзнавчого аналізу. – К.: Світ знань, 2005.
3. Богачевська І.В. Лінгвістичне релігієзнавство як дослідницький напрямок академічного релігієзнавства // Практична філософія. – № 3. – 2006. – С.159-163.

Кононенко Т.В.

ФИЛОСОФИЯ АНДРОГИНИЗМА

Человек постоянно сталкивается с вопросом, как преодолеть свое одиночество, отчуждение, выйти за пределы собственного «Я», обрести полноту и единение с окружающим миром. Потребность любить и быть любимым является актуальной, значимой и глубокой для каждого человека. Она вычленяет человека из животного мира, способствует его душевному и духовному усложнению, становится фундаментальной потребностью-ценностью.

Любовь – одна из центральных проблем русской религиозной философии. Это проблема и сущности, и существования человека, человеческого рода. Русские религиозные философы рассматривают любовь как смыслодержательный стержень жизни, как наиболее адекватную человеку, личности форму экзистенции. Путь любви – это путь единения. Посредством любви человек воссоединяется со всем сущим, с Богом, восстанавливает изначальное единство и достигает бессмертия.

Целью нашей статьи является презентация и анализ проблемы любви в русской религиозной философии. Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к аксиологии, философии любви. Научно-теоретическое значение определяется спецификой аксиологического подхода к проблеме человека, личности, акцентированием любви в качестве базовой ценности.

Среди последних публикаций в области философской антропологии и аксиологии мы выделяем работы Д.С. Берестовской (духовность, актуальные проблемы современной культуры), Г.В. Гребенькова (проблема природы и сущности человека, аксиологический подход к проблеме человека), С.Б. Крымского (проблема человека, ценностей, смысла жизни), В.А. Малахова (этика, философия любви), В.Г. Табачковского (философская антропология), Н.В. Хамитова (метаантропология, философия пола), А.Д. Шоркина (философская антропология).

Первым в русской религиозной философии рассматривает проблему любви как философскую В.С. Соловьев. Он определяет любовь в собственном смысле как исключительное индивидуализованное и экзальтированное половое влечение, акцентируя тем самым половую любовь, ее индивидуальный, избирательный, эксклюзивный характер. Это определение является знаковым для всех представителей русской философии. Традиционно русские религиозные философы, принадлежащие и к неоплатоническому, и к ортодоксально-богословскому направлению, разграничивают, а затем по-новому, по-своему соединяют проблему любви и проблему пола; противопоставляют индивидуальное, личностное и родовое начало; рассматривают проблему любви в рамках религиозной философии.

Русская философия любви, на наш взгляд, уникальна. Она устремляется в вечность и бесконечность. Русские религиозные философы постулируют необходимость сублимации ценностей, в первую очередь любви, то есть того, что уже сублимировано (от потребностей к ценностям), выстраивают иерархию ценностей, иерархию любви. Они представляют четырехступенчатую концепцию любви. Первая ступень – культивирование любви к собственной персоне. В.С. Соловьев пишет: «... всякий человеческий субъект как самостоятельный центр живых сил, как потенция (возможность) бесконечного совершенства, как существо, могущее в сознании и в жизни своей вместить абсолютную истину, – всякий человек в этом качестве имеет безотносительное значение и достоинство, есть нечто безусловно незаменимое... [1, с.138]». Человек должен научиться любить себя, он должен осознать свою ценность, признать за собой безотносительное, безусловное значение. Не зная любви к себе, человек не в состоянии полюбить другого человека. Русский философ констатирует: «Непризнание за собою этого безусловного значения равносильно отречению от человеческого достоинства; это есть основное заблуждение и начало всякого неверия: он так малодушен, что даже в самого себя верить не в силах, – как может он поверить во что-нибудь другое? [1, с.138-139]». Вторая ступень – это любовь к другому человеку, половая любовь. Как отмечает В.С. Соловьев, половые отношения представляют любовь по преимуществу, являются типом и идеалом всякой другой любви. Здесь имеет место восстановление андрогина, соединение двух ограниченных созданий, мужчины и женщины, в одну абсолютную идеальную личность. С точки зрения русских религиозных философов, половая, или супружеская, любовь выступает основанием истинной жизни. Однако, эгоизм вдвоем – лишь промежуточный

этап сублимации любви. На третьей ступени человек должен осознать свою сопричастность к человеческому роду, признать за каждым человеком безусловное значение. «Действительно спастись, – пишет В.С. Соловьев, – т. е. возродить и увековечить свою индивидуальную жизнь в истинной любви, единичный человек может только сообща или вместе со всеми [1, с.172]». Наконец, четвертая ступень – сизигия – соединение человека со всем сущим. На этом этапе реализуется конечная цель любви. Соединяясь со всем сущим, человек тем самым соединяется с Богом. Перерождение, спасение, воскресение, как конечная цель любви, возможны лишь при перерождении, преобразовании всего сущего, при всемирной сизигии. В итоге на данных четырех ступенях, или стадиях, человек сублимирует, то есть трансформирует, возвышает, свою любовь. Жертвуя эгоизмом, эгоцентризмом, он оправдывает и спасает свою индивидуальность, собственно человечность, реализует смысл любви.

Проблема любви является одной из центральных для Н.А. Бердяева. Как и В.С. Соловьев, он выделяет половую любовь. В работе «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» философ отмечает, что проблема пола – основная для антропологии. По своей природе человек есть половое существо, более того двуполое, существо бисексуальное, совмещающее в себе в разной пропорциональности мужской и женский принцип. Мужской принцип – по преимуществу антропологический и личный, женский – космический и коллективный. Данные принципы, или начала, находятся в постоянном конфликте, противостоянии. «Антропология мужская, – пишет Н.А. Бердяев, – совершенно отличается от антропологии женской, психология мужская совершенно отличается от психологии женской. Тут с трудом возможно взаимное понимание, оно затруднено страшной и жестокой борьбой [2, с.108]». Следовательно, имеет место как внутренняя дисгармония, обусловленная борьбой мужского и женского принципов, так и противостояние полов. В этих условиях задачей каждого человека является преодоление половой раздробленности, восстановление своего андрогина. «Человек по своей идее, по Божьему замыслу о нем есть существо цельное, муже-женственное, солярно-теллурическое, «логическое» и стихийное. И, лишь как существо целостное, он есть существо целомудренное, премудрое, софийное в своей целостной полноте. Как существо половое, половинчатое, разорванное, он есть существо не целомудренное, не премудрое, обреченное на дисгармонию, страстное влечение и неудовлетворенность [2, с.109]». Таким образом, решение проблемы пола Н.А. Бердяев, в соответствии с традицией русской религиозной философии, видит в любви, в половой любви.

Наиболее ярко и полно сущность этой любви, на наш взгляд, предстает в двух античных мифах. Первый – миф об андрогинах – представляет Платон в диалоге «Пир». Древнегреческий философ ведет речь об изначальной цельности, целостности человека. Он отмечает, что первые люди на земле были трех полов: чистый мужской, чистый женский и совмещающий признаки обоих андрогин. «Тогда у каждого человека тело было округлое, спина не отличалась от груди, рук было четыре, ног столько же, сколько рук, и у каждого на круглой шее два лица, совершенно одинаковых; голова же у двух этих лиц, глядевших в противоположные стороны, была общая, ушей имелось две пары, срамных частей две, а прочее можно представить себе по всему, что уже сказано [3, с.98]». Страшные своей силой и мощью они питали великие замыслы, посягали на власть богов. Их сила заключалась в исключительной цельности, целостности. Это было единое тело и единая душа. Напуганные олимпийцы во главе с Зевсом решили ослабить первых людей, разделив пополам. «И вот когда тела были таким образом рассечены пополам, каждая половина с вождением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались и, страстно желая срастись, умирали от голода и вообще от бездействия, потому что ничего не хотели делать порознь [3, с.99]». Каждый из нас – половинка изначального, затем рассеченного на две камбалоподобные части человека. Каждый стремится найти свою половинку, сделать из двух одно, восстановить мужскую, женскую или андрогинную сущность. В этих условиях любовь – это жажда и стремление к целостности, путь исцеления человеческого рода.

Второй миф – об Адмете и Алкесте. Однажды к Адмету, царю города Феры в Фессалии, приходит Смерть. Но поскольку Адмет молод, хорош собой, умен, талантлив как правитель, Смерть решает сохранить ему жизнь. Есть лишь одно условие – необходимо найти себе замену. Обнадеженный Адмет бросается в поиски. Он обращается к своим подданным, друзьям и родственникам. Он обращается к богатым и бедным, молодым и старым, здоровым и больным. Однако никто не соглашается пойти на эту рокировку. Более того, отказ поступает и от родителей. Лишь одна Алкеста, молодая супруга Адмета, втайне от всех решает пожертвовать собой. Ее не останавливают ни молодость, ни красота, ни страх. Даруя жизнь Адмету, Алкеста жертвует не только собой, но и своими детьми, фактически оставляя их на произвол судьбы. Здесь имеет место классический вариант линии андрогинизма, где безусловный, абсолютный приоритет принадлежит половинке, составляющей целостный андрогин. На наш взгляд, история Алкесты служит основанием для своеобразного теста. Если один человек действительно любит другого, то он должен быть готовым пожертвовать собой во имя своей любви и своего возлюбленного. Самопожертвование и является основным критерием любви.

Но есть и другая сторона этого мифа. В трагедии «Алкеста» древнегреческого поэта Еврипида во время траурной церемонии Адмет с упреками обращается к своему отцу. Ферет достойно отвечает на упреки сына:

«Я родил
И воспитал тебя, чтоб дом отцовский
Тебе отдать, а вовсе не затем,
Чтоб выкупать тебя у смерти жизнью.
Обычай между отцовских я
Такого не припомню и как эллин

Всегда считал, что, счастлив кто иль нет, –
 Таков удел его. Мой долг исполнен:
 Над многими ты царь, твои поля
 Умножились. Отцовское оставлю
 Я полностью Адмету. Чем, скажи,
 Обижен ты? Чего лишил тебя я?
 Просил ли я, чтоб ты заменой был
 Мне в доме том бессолнечном? Нимало.
 И ты меня о том же не проси.
 Сам любишь жизнь ты, кажется. В отце
 Зачем признать любви не хочешь той же?
 А право, как подумаешь, что век
 В земле лежать, так этот промежуток
 Короткий здесь еще дороже станет...
 Тебя ль учить мне, впрочем? За него
 В борьбе с судьбой, Адмет, ожесточившись,
 Не пощадил жены... Но как же он
 Клянет мою, своей не видя, трусость,
 Во цвете лет женою побежден.
 Придумано отлично... хоть и вовсе
 Не умирай, сменяя верных жен...
 И у тебя других хватает духа
 За то, в чем сам виновен, упрекать.
 Молчи, дитя: жизнелюбивы все мы...
 На брань твою – вот строгий мой ответ [4, с.38-39]».

Адмет действительно без особых проблем и мук принимает жертву своей супруги. Он провожает ее к Смерти, выслушивает последние просьбы, однако не пытается остановить. Согласно мифу, Алкесту спасает лишь появление в Ферах Геракла. Он отбивает молодую женщину у Смерти и возвращает супругу. Таким образом, и здесь не осуществляется двуединство любви. Если любовь Алкесты очевидна, то любовь Адмета проблематична.

С точки зрения религиозных мыслителей, именно любовь призвана решить главную для человека проблему – проблему конечности человеческого бытия. Как утверждает В.С. Соловьев, это путь истинного андрогинизма, одухотворенной телесности и богочеловечности. Выбор данного пути позволяет человеку вместить абсолютное содержание, стать абсолютной личностью. В.С. Соловьев пишет: «Но чтобы наполниться абсолютным содержанием (которое на религиозном языке называется вечной жизнью или царствием Божиим), сама человеческая форма должна быть восстановлена в своей целостности (интегрирована)... Но истинный человек в полноте своей идеальной личности, очевидно, не может быть только мужчиной или только женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение, – это и есть собственная ближайшая задача любви [1, с.146]».

Христианство нередко называют религией любви. Святой Апостол Павел определяет три фундаментальные основы христианской религии. «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше [5, 1 Кор.13:13]». «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий.

Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так-что *могу* и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто.

И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне *в том* никакой пользы.

Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится,
 Не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла,
 Не радуется неправде, а сорадуется истине;
 Все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит.

Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится [5, 1 Кор.13:1-8]».

Идеал христианской философии любви – каритативная любовь, человеколюбие. Новый Завет призывает любить и ближнего, и дальнего, любого человека, даже врага. Совершенная любовь не знает предпочтений и исключений. Христианская религия дает миру принципиально новую этику, в основе которой находится любовь. Десять заповедей Ветхого Завета утрачивают свою актуальность в Новом Завете. Любящий человек не будет прелюбодействовать, воровать, убивать. Наоборот. «Вы слышали, что сказано: «око за око, и зуб за зуб».

А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую;
 И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду;
 И кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два.
 Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Вы слышали, что сказано: «люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего».

А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас,

Да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных [5, Мат.5:38-45]».

Нагорная проповедь – апофеоз христианской любви. Исключительно любовь позволяет решить проблему добра и зла. Отвечая на зло злом, человек увеличивает, удваивает зло. Отвечая на зло добром, каждый из нас, наоборот, увеличивает добро. Любовь, доброта – путь к сердцу другого человека, к спасению человеческого рода. Возлюбив ближнего и дальнего, как самого себя, мы утверждаем ценность и уникальность каждого человека. Возлюбив своего врага, мы совершенствуем себя. Эта любовь требует огромной силы духа. Это высшая точка самопреодоления, самопожертвования. Пример такой любви являет нам Иисус Христос, искупивший своей жертвенной смертью все грехи человеческого рода. Поэтому и призывает Святой Апостол Иоанн Богослов: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога;

Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь [5, 1 Иоан.4:7-8]».

Исследуя природу и сущность любви, следует выделить ряд проблемных моментов. Первый. Андрогин – это идеал, заданность, чем данность во взаимоотношениях полов. Он отражает извечную мечту человека, тоску по изначальному единству, гармонии и совершенству. Второй. Любовь не решает так называемую трагическую триаду человеческого бытия: боль, вину и смерть. Любящий обречен наблюдать страдание, болезнь, старение и смерть своего любимого. Третий момент. Сегодня большинство людей стараются быть любимыми, а не любить. К сожалению, любовь становится товаром, брак – сделкой. В условиях рыночного общества любовные отношения строятся по схеме обмена, господствующей на рынке товаров и рабочей силы. Тем не менее, исключительно любовь призвана решить в полном объеме проблему человеческого существования. Она выступает гарантом слияния и единства людей. Она сильнее и глубже всех других стремлений человека. Очевидно, что без любви, то есть без внимания, понимания, сочувствия, заботы и теплоты, человеческий род не в состоянии полноценно функционировать.

Подведем итог. Проблема любви является знаковой для русской религиозной философии. Русские религиозные философы предлагают четырехступенчатую концепцию любви, в основе которой находится принцип сублимации. Можно сказать, что это путь постижения любви, восхождения человека от стадии эгоизма через половую любовь и любовь к социуму до стадии соединения со всем сущим, с Богом, или сизигии. Русские философы выделяют половую любовь, ее индивидуальный, избирательный, то есть эксклюзивный характер. Исключительно андрогин, как соединение полярных, но взаимообусловленных начал, мужского и женского, духовного и телесного, небесного и земного, способен реализовать конечную цель любви.

Вместе с тем русская философия любви содержит и ряд критических замечаний. Философы признают, что андрогин, сизигия и бессмертие, составляющие смысл любви, предстают скорее заданным, идеальным, чем данным и реальным. Оценивая эти негативные моменты, В.С. Соловьев ставит перед нами вопрос: «Но, признавая в силу очевидности, что идеальный смысл любви не осуществляется в действительности, должны ли мы признать его неосуществимым? [1, с.145]». Ответ на этот вопрос для русских философов очевиден: «Было бы совершенно несправедливо отрицать осуществимость любви только на том основании, что она до сих пор никогда не была осуществлена: ведь в том же положении находилось некогда и многое другое... [1, с.145]».

Источники и литература

1. Соловьев В.С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – 525 с., порт.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – (Philosophi). – С. 23-422.
3. Платон. Пир // Платон. Собрание сочинений в четырех томах: Пер. с древнегреч. Том 2. – М.: Мысль, 1993. – (Филос. наследие). – С. 81-134.
4. Еврипид. Алкеста // Еврипид. Трагедии: Пер. с древнегреч. Т. 1. – М.: Искусство, 1980. – С. 5-58.
5. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

Муза Д.Е.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В современных макросоциологических, геополитических, культурологических и собственно философско-исторических исследованиях, – в качестве важного когнитивного средства, – задействован т.н. цивилизационный подход. Его использование многим представляется само собой разумеющимся делом, тем более после (почти полного) исчезновения интереса к эвристике формационной схемы Истории. С другой стороны, ставшая нарицательной после ряда военно-политических и межкультурных акций концепция «столкновения цивилизаций» С.Хантингтона, усилила интерес к цивилизационной проблематике, в том числе, в аспекте макросоциальной идентичности. Однако, несмотря на существующую в социальном познании конкуренцию дискурсов идентичности, – индивидуально и социально-психологического, культурологического, политологического и геополитического, наконец, мир-системного, цивилизационное её прочтение являет-